

К пьесе «Мушкетеры»

В тот день, когда д'Артаньян явился сюда впервые, круг собравшихся казался необычайно внушительным, особенно в глазах провинциала. Провинциал, правда, был гасконец, и его земляки в те времена пользовались славой людей, которых трудно чем-либо смутить. Пройдя через массивные ворота, обитые длинными гвоздями с квадратными шляпками, посетитель оказывался среди толпы вооруженных людей. Люди эти расхаживали по двору, перекликались, затевали то ссору, то игру. Чтобы пробить себе путь сквозь эти бушующие людские волны, нужно было быть офицером, вельможей или хорошенькой женщиной.

Наш юноша с бьющимся сердцем прокладывал себе дорогу сквозь эту толкотню и давку, прижимая к худым ногам непомерно длинную шпагу, не отнимая руки от края широкополой шляпы и улыбаясь жалкой улыбкой провинциала, старающегося скрыть свое смущение. Миновав ту или иную группу посетителей, он вздыхал с некоторым облегчением, но ясно ощущал, что присутствующие оглядываются ему вслед, и впервые в жизни д'Артаньян, у которого до сих пор всегда было довольно хорошее мнение о своей особе, чувствовал себя неловким и смешным.

У самой лестницы положение стало еще затруднительнее. На нижних ступеньках четверо мушкетеров забавлялись веселой игрой, в то время как столпившиеся на площадке десять или двенадцать их приятелей ожидали своей очереди, чтобы принять участие в забаве. Один из четверых, стоя ступенькой выше прочих и обнажив шпагу, препятствовал или старался препятствовать остальным трем подняться по лестнице. Эти трое нападали на него, ловко орудуя шпагой.

Д'Артаньян сначала принял эти шпаги за фехтовальные рапиры, полагая, что острое защищено. Но вскоре, по некоторым царапинам на лицах участников игры, понял, что клинки были самым тщательным образом отточены и заострены. При каждой новой царапине не только зрители, но и сами пострадавшие раздражались бурным хохотом.

Мушкетер, занимавший в эту минуту верхнюю ступеньку, блестяще отбивался от своих противников. Вокруг них собралась толпа. Условия игры заключались в том, что при первой же царапине раненый выбывал из игры и его очередь на аудиенцию переходила к победителю. За какие-нибудь пять минут трое оказались задетыми: у одного была поцарапана рука, у другого - подбородок, у третьего - ухо, причем защищавший ступеньку не был задет ни разу. Такая ловкость, согласно условиям, вознаграждалась продвижением на три очереди.

Как ни трудно было удивить нашего молодого путешественника или, вернее, заставить его показать, что он удивлен, все же эта игра поразила его. На его родине, в том

краю, где кровь обычно так легко ударяет в голову, для вызова на дуэль все же требовался хоть какой-нибудь повод. Гасконада четверых игроков показалась ему самой необычайной из всех, о которых ему когда-либо приходилось слышать даже в самой Гаскони. Ему почудилось, что он перенесся в пресловутую страну великанов, куда впоследствии попал Гулливер и где натерпелся такого страха. А между тем до цели было еще далеко: оставались верхняя площадка и приемная.

***

Через четверть часа в конце улицы Феру появился Портос на прекрасном испанском жеребце. За ним ехал Мушкетон на овернской лошадке, маленькой, но тоже очень красивой. Портос был олицетворением радости и гордости.

Одновременно с ним в другом конце улицы показался Арамис на великолепном английском скакуне. За ним на руанской лошади ехал Базен, ведя в поводу могучего мекленбургского коня: то была лошадь д'Артаньяна.

Оба мушкетера съехали у дверей; Атос и д'Артаньян смотрели на них из окна.

- Черт возьми! - сказал Арамис. - У вас чудесная лошадь, любезный Портос.

- Да, - ответил Портос, - это та, которую мне должны были прислать с самого начала. Из-за глупой шутки мужа ее заменили другой, но впоследствии муж был наказан, и все кончилось к полному моему удовлетворению.

Вскоре появился Планше, а с ним Гримо, ведя лошадь своего хозяина. Д'Артаньян и Атос вышли из дому, сели на коней, и четыре товарища пустились в путь: Атос на лошади, которой он был обязан своей жене, Арамис - любовнице, Портос - прокурорше, а д'Артаньян - своей удаче, лучшей из всех любовниц.

К пьесе «Тайна старого шкафа»

Дом был огромный – казалось, ему не будет конца, – и в нём было полно самых удивительных уголков. Вначале двери, которые они приоткрывали, вели, как и следовало ожидать, в пустые спальни для гостей. Но вскоре ребята попали в длинную-предлинную, увешанную картинами комнату, где стояли рыцарские доспехи; за ней шла комната с зелёными портьерами, в углу которой они увидели арфу. Потом, спустившись на три ступеньки и поднявшись на пять, они очутились в небольшом зале с дверью на балкон; за залом шла анфилада комнат, все стены которых были уставлены шкафами с книгами – это были очень старые книги в тяжёлых кожаных переплетах. А потом ребята заглянули в комнату, где стоял большой платяной шкаф. Вы, конечно, видели такие платяные шкафы с зеркальными дверцами. Больше в комнате ничего не было, кроме высохшей синей мухи на подоконнике.

– Пусто, – сказал Питер, и они друг за другом вышли из комнаты... все, кроме Люси. Она решила попробовать, не откроется ли дверца шкафа, хотя была уверена, что он заперт. К ее удивлению, дверца сразу же распахнулась, и оттуда выпали два шарика нафталина. Люси заглянула внутрь. Там висело несколько длинных меховых шуб. Больше всего на свете Люси любила гладить мех. Она тут же влезла в шкаф и принялась тереться о мех лицом; дверцу она, конечно, оставила открытой – ведь она знала: нет ничего глупей, чем запереть самого себя в шкафу. Люси забралась поглубже и увидела, что за первым рядом шуб висит второй. В шкафу было темно, и, боясь удариться о что-нибудь носом, она вытянула перед собой руки. Девочка сделала шаг, еще один и еще. Она ждала, что вот-вот упрётся кончиками пальцев в заднюю стенку, но пальцы по-прежнему уходили в пустоту.

«Ну и огромный шкафище! – подумала Люси, раздвигая пушистые шубы и пробираясь все дальше и дальше. Тут под ногой у нее что-то хрустнуло. – Интересно, что это такое? – подумала она. – Ещё один нафталиновый шарик?» Люси нагнулась и принялась шарить рукой.

Но вместо гладкого деревянного пола ее рука коснулась чего-то мягкого, рассыпающегося и очень-очень холодного.

– Как странно, – сказала она и сделала ещё два шага вперед. В следующую секунду она почувствовала, что её лицо и руки упираются не в мягкие складки меха, а во что-то твердое, шершавое и даже колючее.

– Прямо, как ветки дерева! – воскликнула Люси. И тут она заметила впереди свет, но не там, где должна быть стенка шкафа, а далеко-далеко. Сверху падало что-то мягкое и холодное. Ещё через мгновение она увидела, что стоит посреди леса, под ногами у неё

снег, с ночного неба падают снежные хлопья. Люси немного испугалась, но любопытство оказалось сильнее, чем страх. Она оглянулась через плечо: позади, между темными стволами деревьев, видна была раскрытая дверца шкафа и сквозь нее – комната, из которой она попала сюда (вы, конечно, помните, что Люси оставила дверцу открытой). Там, за шкафом, по-прежнему был день.

«Я всегда смогу вернуться, если что-нибудь пойдёт не так», – подумала Люси и двинулась вперёд. «Хруп, хруп», – хрустел снег под её ногами. Минут через десять она подошла к тому месту, откуда исходил свет. Перед ней был... фонарный столб. Люси вытаращила глаза. Почему среди леса стоит фонарь? И что ей делать дальше? И тут она услышала лёгкое поскрипывание шагов. Шаги приближались. Прошло несколько секунд, и из-за деревьев показалось и вступило в круг света от фонаря очень странное существо.

К пьесе «Волшебная лампа Аладдина»

... Не успел он вымолвить этих слов, как очутился на земле у потухшего костра, где они с магрибинцем были ночью. Уже настал день, и солнце ярко светило. Аладдину показалось, что все, что с ним случилось, было только сном. Со всех ног побежал он домой и, запыхавшись, вошел к своей матери. Мать Аладдина сидела посреди комнаты, распустив волосы, и горько плакала.

Она думала, что ее сына уже нет в живых. Аладдин, едва захлопнув за собой дверь, упал без чувств от голода и усталости. Мать побрызгала ему на лицо водой и, когда он пришел в себя, спросила:

- О, Аладдин, где ты пропадал и что с тобой случилось? Где твой дядя и почему ты вернулся без него?

- Это вовсе не мой дядя. Это злой колдун, - сказал Аладдин слабым голосом. - Я все расскажу тебе, матушка, но только сперва дай мне поесть. Мать накормила Аладдина вареными бобами - даже хлеба у нее не было - и потом сказала:

- А теперь расскажи мне, что с тобой случилось, и где ты провел ночь?

- Я был в подземелье и нашел там чудесные камни. И Аладдин рассказал матери все, что с ним было. Окончив рассказ, он заглянул в миску, где были бобы, и спросил:

- Нет ли у тебя еще чего-нибудь поесть, матушка? Я голоден.

- Нет у меня ничего, дитя мое. Ты съел все, что я приготовила и на сегодня, и на завтра, - грустно сказала мать Аладдина. - Я так горевала о тебе, что не работала, и у меня нет пряжи, чтобы продать на рынке.

- Не горюй, матушка, - сказал Аладдин. - У меня есть лампа, которую я взял в подземелье. Правда, она старая, но ее все-таки можно продать. Он вынул лампу и подал ее матери. Мать взяла лампу, осмотрела ее и сказала:

- Пойду, почищу ее и снесу на рынок: может быть, за нее дадут столько, что нам хватит на ужин. Она взяла тряпку и кусок мела и вышла во двор. Но как только она начала тереть лампу тряпкой, земля задрожала, и перед ней появился огромного роста джинн. Мать Аладдина закричала и упала без чувств.

Аладдин услышал крик и заметил, что в комнате потемнело. Он выбежал во двор и увидел, что его мать лежит на земле, лампа валяется рядом, а посреди двора стоит джинн, такой огромный, что головы его не видно. Он заслонил собою солнце, и стало темно, как в сумерки. Аладдин поднял лампу, и вдруг раздался громовой голос:

- О, владыка лампы, я к твоим услугам. Аладдин уже начал привыкать к джиннам и поэтому не слишком испугался. Он поднял голову и крикнул как можно громче, чтобы джинн его услышал:

- Кто ты, о джинн, и что ты можешь делать?

- Я Маймун, сын Шамхураша, - ответил джинн. - Я раб лампы и раб того, кто ею владеет. Требуй от меня, чего хочешь. Если тебе угодно, чтобы я разрушил город или построил дворец, - приказывай! Пока он говорил, мать Аладдина пришла в себя и, увидя возле своего лица огромную ступню джинна, похожую на большую лодку, закричала от ужаса.

А Аладдин приставил руки ко рту и крикнул во весь голос:

- Принеси нам две жареные курицы и еще что-нибудь хорошее, а потом убирайся. А то моя мать тебя боится. Она еще не привыкла разговаривать с джиннами. Джинн исчез и через мгновение принес стол, покрытый прекрасной кожаной скатертью. На нем стояло двенадцать золотых блюд со всевозможными вкусными кушаньями и два кувшина с розовой водой, подслащенной сахаром и охлажденной снегом.